

Лавры Юрки Цезаря

[Александр ЩЕРБАК](#)

В присаянском сельце Смолино долго не было учителя по истории. Настоящие специалисты вообще не спешили сюда, в подтаёжную глубинку, а в школу – тем более, потому что количество учеников в ней заметно убавилось в последние времена, сократилось и число классов.

Но чтобы уж совсем не прерывать исторического образования юных смолинцев, сельский голова Алексей Иванович предложил временно повести этот предмет пенсионеру Антону Фомичу, бывшему конторскому счетоводу, который слыл большим политиком и активным читателем местной библиотеки, особо налегавшим на книги «касательно истории». Правда, в его речах проскакивали словечки типа «хвакт» или «хведерация», но на уровне бытового общения это не особо резало ухо. Однако когда и на уроках истории из уст Фомича посыпались разные «хвиникийцы», «хвермопилы», короли «хвилиппы» и цари «хвёдоры», то ушлые ребятишки догадались, что дело не в издержках произношения, а в скромных «классах с коридорами», пройденных учителем, и самого его окрестили Хвомичём, заметно охладев к науке о прошлом человечества.

Но вот к концу третьей четверти к ним всё же прислали из края настоящего историка, Игоря Николаевича, молодого, грамотного, красноречивого. Он не просто излагал ход исторических событий со сменой государственных правителей и военачальников, но рассказывал о них самих так, словно был лично знаком с ними. По крайней мере, чувствовалось, что живо представлял их сам и старался донести это представление до слушателей. Ребятишки сидели, как говорится, с раскрытыми ртами.

К примеру, на уроке, посвящённом знаменитому древнеримскому полководцу и писателю Гаю Юлию Цезарю, он поведал не только о его победах над Галлией и над войсками Помпея, соперника в борьбе за власть (после чего был провозглашён пожизненным императором, а затем убит заговорщиками из сенатской аристократии), но и о том, что провёл реформу календаря, известного как «Юлианский», оставил ряд исторических работ и множество крылатых выражений, поныне

украшающих нашу речь: «пришёл, увидел, победил», «жребий брошен», «перейти Рубикон», «и ты, Брут?»...

И уж, конечно, не забыл всезнающий учитель помянуть о необыкновенных способностях Цезаря, который мог одновременно отдавать приказы, читать и писать обеими руками разные тексты, что ребятишек удивило особенно. Они даже не услышали звонка с урока и очнулись, вернувшись в нашу эру, лишь после второго напоминания Игоря Николаевича.

Более же всех потрясён был его рассказом Юрка Голованов, известный в классе книгочей и фантазёр. Он решил стать «как Цезарь» и, не откладывая намерения в долгий ящик, приступил к тайным тренировкам. Сперва – к параллельному чтению и писанию одной рукой, а потом и обеими. Впрочем, здесь он задумал пойти далее самого Цезаря. Однажды, во время очередных упражнений в закрытой горнице, после довольно удачной росписи «за Цезаря», синхронно выведенной правой и левой рукою, его вдруг осенило: «А что, если подключить ещё и ноги? И тем превзойти хвалёного римского императора? Пусть знают сибиряков российских!»

Юрка непроизвольно погладил свой русый ёршик, тут же сбросил тапочки, разломил пополам карандаши, которыми работал, достал из кармана перочинный ножик, быстренько подчинил тупые обломки и вставил их между большим и вторым пальцами ног. Затем подложил под них по листку бумаги, вырванных из тетради по русскому языку, взял в руки по укороченному карандашу и, мысленно скомандовав себе «раз-два-три!», начал выводить букву «ц» всеми четырьмя конечностями сразу. Руки привычно сработали. И довольно-таки неплохо. С ногами дело оказалось сложнее. Под правой ещё вышло что-то наподобие буквы, более, правда, похожей на «у», чем на «ц», но под левой обозначилась лишь бессмысленная вилюшка, не тянувшая даже на каракули дошколёнка. Однако Юрка был не из тех, кто пасует перед первыми трудностями и неудачами. Результат правой ступни утвердил его в том, что поставленная цель в принципе достижима. Надо только приложить побольше старания и почаще тренироваться.

И упрямый смолинский цезаревец перешёл к ежедневным упражнениям. До времени – секретным. Он тренировался дома, подальше от посторонних глаз, в закрытой горнице, за тем столом, за которым обычно готовил уроки. К концу учебного года у него уже довольно послушно ноги выписывали слово «Цезарь». И он мечтал продемонстрировать свои успехи

в классе до роспуска на каникулы, но потом решил, что лучше освоить всю Цезареву «роспись» и показать, как говорить, товар лицом. К концу учёбы, когда домашних заданий уже почти не стало, он упорнее приналегал на тренировки. Тому способствовали и новые свободы, наступившие в связи с временным отбытием отца, который не поощрял его «вздорных» увлечений. Борис Голованов, работавший шофёром в сельхозкооперативе, после посевной отпросился на «отхожий промысел» – улетел вахтовиком на Таймыр, где осваивалось нефтегазовое месторождение Ванкор и срочно требовались водители. Словом, Юрка усилил занятия, и роспись почти покорила его, хотя конечные «р» с мягким знаком зачастую все ещё завивались петлями, не доступными для прочтения, а то и вообще вылезали за пределы тетрадного листка. Однако откладывать далее демонстрацию опытов уже было невозможно. Юрка сам проговорился о достигнутых успехах своим приятелям, и они, заинтригованные, но сомневающиеся, потребовали от него наглядных доказательств, то есть прямого показа цезаревских способностей.

И Юрке ничего не осталось, как предъявить им эти доказательства. Одним прекрасным деньком наступивших каникул он пригласил друзей к себе домой. Пришли семеро, в основном те, что жили по соседству. Юрка провёл их в горницу и плотно закрыл дверь, лишней раз подчёркнув необычность и таинственность предстоящего действия. Сам он важно и торжественно, как подобало бы мудрому Цезарю, уселся за своим столом на старинном плетёном кресле, а гостям предложил присесть на скамейку и деревянный сундук, стоявшие вдоль боковых стен. Однако они предпочли расположиться поближе, прямо на полу, устланном половиками, чтобы удобнее было наблюдать за самым главным объектом зрелища – за Юркиными ногами, между пальцами которых он уже вставил обломки карандашей.

Но едва только был дан старт невиданному фокусу и Юркины ноги и руки пришли в движение, как вдруг распахнулись створы горничных дверей, и на пороге появилась Юркина мать Елизавета, работавшая поваром в детсадыке. Она строго взглянула на вихрастую компанию и, уперев руки в бока, обратилась к сыну, восседавшему на кресле перед замершими гостями:

– И что ты творишь тут, хозяин?

Юрка растерянно взглянул на мать и, кивая на свои руки и ноги, вооружённые карандашами, вымученно заулыбался:

- Да я это... как Цезарь...

- Який такой Цезарь? - вспыхнула мать, непроизвольно перейдя на южно-русский суржик, каким говорила в донском девичестве. - А ну, геть до воли! Лето на дворе!

Она решительно шагнула в ребячий круг и прогнала всех вон. Вместе с гостеприимным хозяином. Потоптавшись на крылечке, мальчишки уже хотели было разбрестись по домам, но Юрка заверил их, что готов показать свои достижения хоть на улице.

- Погодите, я щас! - махнул он рукою и нырнул обратно в избу, а через минуту появился с четырьмя книжками под мышкой.

- Предлагаю пройти на зады, за наш огород, там есть добрая полянка и трон.

- А это зачем? - кивнул на знакомые учебники Колька Прохоров.

- Растолкую потом, - буркнул Юрка и повёл ватагу переулком, вдоль огородного тына, на задворки. Здесь, на заброшенных назьмах, образовалась небольшая стихийная свалка из разного мусора и лома с подворий. Огибая её, Юрка заприметил среди обломков мебели и посуды бездонный чугунок и прихватил его свободной рукой.

- Может сгодиться для нашего опыта, - загадочно обронил он в ответ на вопросительные взгляды приятелей.

На задах Юркиного огорода перед зелёной полянкой росли две старые покляпые берёзы, а между ними стоял толстущий пень «со спинкой» - широкой щепой, оставшейся от спиленного дерева. Юрка важно уселся на этот пень, словно на трон, а книжки и чугунок положил к ногам.

- Итак, жребий брошен и Рубикон перейдён! - обратился он к зрителям. - Продолжим работу по Юлию Цезарю. Прошу внимания и тишины.

Ребятишки присели перед ним на зелёную мураву, более заинтересованные уже не столько «параллельным» письмом «по Цезарю», сколько бездонной чугунок подле ног Юрки.

– Потому как здесь нету стола, поручаю Грине Бабину и Прохорову Колюне подержать чистые листки бумаги на «Математике» и «Географии» под моими руками, – распорядился фокусник и добавил: – Чтоб удобнее было писать. Ну, а с ногами я сам управлюсь. – И он поставил босые ступни на оставшиеся учебники, покрытые тетрадными страничками.

Прогонистый Гриня с малорослым Колюней послушно встали по бокам от Юрки, держа на ладонях указанные книжки.

Юрка многозначительно кивнул, давая знать о начале небывалого представления, но прежде чем взять в руки и в ноги карандаши, поднял бездонный чугунок и нахлобучил его себе на голову. Естественно, следом раздались недоумённые смешки и едкие замечания очевидцев. Чтобы пресечь их, Юрке пришлось дать пояснение для недогадливых:

– Это будет царская корона триумфатора Цезаря, – сказал он тоном знатока, хотя не был уверен, что римского полководца и императора когда-либо короновали. На его статуях, скульптурных портретах, приводимых в учебниках истории, он был либо простоволос, либо с почётным лавровым венком на кудреватой макушке, чем-то похожим на корону.

Юрка гордо вскинул увенчанную чугуном голову, устремил взор к солнцу и дал отмашку, сопроводив её, поскольку не владел ни греческим языком, ни латынью, восклицанием на знакомом по урокам немецком: «Форвэрц!»

Руки и стопы его, вооружённые карандашными обломками, тотчас ожили и задвигались, так что Гриня с Колюней невольно пришлось поднапрячься, чтобы удержать на весу подставленные учебники. Через несколько мгновений сеанс был окончен, о чём Юрка оповестил наблюдателей очередным цезаревским изречением:

– Пришёл, увидел, победил!

Ребятишки бросились к нему наперегонки, чтобы первыми засечь результаты опыта. Они подняли шум, споря и вырывая бумажные листки друг у друга, но всё же в итоге вынуждены были признать Юркины достижения. По крайней мере, три или четыре начальные буквы от «ц» до «а» оказались написанными вполне разборчиво, а на листках из-под рук вышла даже и «р», но, верно, без мягкого знака.

Получив всеобщее признание, Юрка встал с трона и, широко улыбаясь,

хотел было снять не то корону, не то лавровый венец с головы, в знак окончательной победы в испытаниях, но вдруг с тревогой обнаружил, что чугун провалился слишком глубоко, до самых ушей, и теперь не поддавался его усилиям. Особенно мешали надбровные дуги и затылок. Увидев затруднения приятеля, первыми пришли на помощь ассистенты Гриня и Колька. Они снова посадили Юрку на пень и попытались снять чугун вдвоём, слегка поворачивая его, как гайку, на Юркиной голове, но триумфатор болезненно сморщился и замахал руками.

И тогда остальные ребяташки, наблюдавшие за сценой со смешками и подначками, поняли, что дело принимает нешуточный оборот. Перестав смеяться, они тоже ринулись помогать коронованному бедолаге кто словом, кто делом. По чьему-то совету, Юрку положили на покатой полянке ногами на пень, а потом вообще подняли за ноги вниз головой и потрясли, но и в этих положениях бездонный чугун упрямо сидел на буйной головушке и, кажется, всё туже сжимал её, словно обруч. Юрка более не цитировал Цезаря. Бледный и растерянный, он молча держался руками за чугун.

Наконец, ближайший его сосед Гошка Филин, по прозвищу Филя, подал мысль, которая всеми была признана единственно разумной в создавшейся обстановке.

– Покажем-ка его, братцы, нашему врачу, – сказал он. – Время ещё есть, больница сёдни открыта до обеда. Я попрошу принять без очереди...

И ассистенты Гриня с Колюней, которые недавно держали книжки под волшебными руками «Цезаря», теперь взяли его под белые рученьки и повели в больницу. Та, кого Гошка называл врачом, была фельдшер Маша Филина, жена его двоюродного брата, потому он и обещал столь смело внеочередной приём необычного пациента. Однако родственные связи не понадобились. Страждущих в больнице не оказалось. Маша сама вышла из кабинета, услышав в коридоре шаги и голоса. Гошка начал сбивчиво объяснять ей суть визита, указывая на чугунного Юрку, но она уже и без того догадалась, в чём дело. И хотя этот пациент был заведомо не по её профилю, всё же для формы пригласила Юрку в кабинет и усадила в кресло. Потом обошла вокруг, постучала пинцетом по чугуну и сказала нарочито громко, чтобы все ребяташки услышали через приоткрытую дверь:

– Тут я вам не помощница. Попробуйте обратиться в мастерские к нашим механизаторам или вон хотя бы к кузнецам. – При этом она махнула на

окно, за которым виднелась сельская кузница, издававшая железный перезвон.

Кузнецы оказались не столь понятливыми, как фельдшерица Маша. Они всё не могли взять в толк, зачем парень вдруг напялил чугунок на свою голову. Пришлось им долго объяснять, что это не просто чугунок, а как бы венец Юлия Цезаря, древнеримского полководца и писателя, которого изображал потерпевший. Но и это дошло не до каждого. После стихийного консилиума мастеров по железу старший из них, бородатый старовер Лаврин Агеич, взял молоток, зубило и осторожно прошёлся ими по бездонному чугуну, прислушиваясь к глуховатым отзвукам, а потом выдал заключение:

– Дело не простое, мужики. В чугунике трещин не слышно. Надо как-то колоть либо резать её. В наших мехмастерских сейчас ни души, все в поле. Так что выход вижу один: срочно выдвигаться в райцентр, к автдорожникам в Саянский «дээрсэу», у них оборудование посерьёзнее...

На счастье Юрки, который уже ничего не говорил, а только кусал губы, всхлипывал и всё ниже клонил голову, к дверям кузницы в ту минуту подрулила председательская «Нива». Из кабины выпрыгнул шофёр Вадик, поднёс кузнецам порванный дергач от сенокосилки и передал просьбу шефа – срочно восстановить деталь.

– Мы у косцов были, они режут зелёную рожь на подкормку скоту, – добавил Вадик.

Лаврин Агеич принял обломки дергача и начал осматривать дефекты.

– А это что у вас за клоун в колпаке? – воскликнул Вадик, увидев Юрку с чугуном на голове.

– Не клоун, а сам Юлий Цезарь, римский император, – криво усмехнулся стоявший рядом молотобоец Киря. – Только вот корона оказалась несъёмной.

– Не корона, а венец лавровый, – со всхлипом поправил Юрка, приподняв голову от плеча.

– Ну-ну, похож, как свинья на быка, – хихикнул Вадик.

– Вот что, Вадим, – серьёзно обратился к нему Лаврин Агеич. – Чем зря зубоскалить, сгоняй-ка в Саянский, в мастерские автдорожников, покажи огольца, там должны помочь. А я займусь дергачом, тут часа на два

работы. Думаю, шеф твой поймёт. Да и родителей бедняги заранее пугать не стоит...

До Вадика дошло, наконец, что дело впрямь не шуточное, и он, покивав согласно, отдал команду Юрке:

– Садись за заднее сиденье, парень! Подальше в угол, чтоб встречный народ не шарахался от твоей макитры и патрули не приставали.

Юрка послушно влез в кабину, но не сел, а лёг на сиденье, придерживая рукою бездонный чугун за край круглой дыры.

Мастера дорожного ремонтно-строительного участка ему действительно помогли, хотя и не слишком скоро. Юного чудака из Смолино, коронованного чугункой, они подводили к разным диагностическим аппаратам, к приборам и стендам, опутывали проводами, «били током», как потом не без гордости рассказывал Юрка, прежде чем самому молодому, но дошлому специалисту по «неразрушающему контролю» Ларику Ольгину с помощью ультразвука удалось-таки обнаружить поперечную микротрещину в металле. По ней-то и был, наконец, расколот надвое злополучный чугун...

Назад Юрка приехал уже на первом сиденье председательской «Нивы». «Усталый, но довольный», как писали о нём позднее в районной газете. Там, между прочим, сообщалось также, что мастерам-дорожникам за выручку подростка из беды была объявлена благодарность самого главы района. Поблагодарили всех, кто помогал Юрке, и глава смолинской администрации вместе с председателем местного сельхозкооператива. А Юркина мать, которая, конечно, более всех была рада освобождению сына из чугунного плена, свезла в подарок мастакам дорожного участка целый бидон сметаны, корзинку пирогов с яйцом и луком и даже, говорили знающие люди, бутылёк своей фирменной настойки на сорока травах от сорока болезней...

Ну, а Юрка, понятное дело, вмиг стал героем Смолино, и его с той поры все звали в селе не иначе, как Юрка Цезарь. А ребятишки ещё и Юркиного собачонка, лохматенького беспородного Шарика, переименовали в Цезарика, и Юрка смирился с новой кличкой пса, как и со своим ироничным прозвищем.

...После всех этих событий я много лет не бывал в Смолино, не встречался со знакомыми смолинцами и не имел никаких сведений о дальнейшей судьбе Голованова Юрки. Можно сказать, уже и забыл о нём и о той

забавной истории, в которую он «влип», состязаясь в талантах с самим Юлием Цезарем. Но вот недавно, будучи проездом в посёлке Саянском, вдруг встретил его на улице. Точнее, он встретил меня, ибо первым окликнул и поприветствовал.

– А-а, Юрий Цезарь! – невольно вырвалось у меня в ответ. Назвать Юркой возникшего предо мною плечистого богатыря просто не повернулся язык.

– Он самый. Только уж не Цезарь, а скорей слесарь, – рассмеялся Юрий.

И в короткой беседе рассказал мне, что по окончании автодорожного факультета красноярского политеха вернулся в родные края и работает начальником слесарного цеха тех самых мастерских дорожного участка, где когда-то был освобождён от злополучного чугунного венца.

– Но историю люблю по-прежнему, – подчеркнул он напоследок, – охотно читаю исторические книги, в том числе о Древнем Риме. А что не рвусь в центры по нынешней моде, так ещё Цезарь говорил: лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе.

[Александр ЩЕРБАКОВ](#) - 17 августа 2017

<http://webkamerton.ru//2017/08/lavry-urki-cezara>